Р. С. Истамгалин

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ РОССИЙСКОГО АГРАРНОГО ОБЩЕСТВА (IX–XVII вв.)

Автором предпринята попытка рассмотреть русский исторический процесс на протяжении IX–XVII вв. как единое целое — генезис и эволюцию российского типа аграрной цивилизации, частным проявлением своеобразия которого является социальный идеал общества.

Ключевые слова: социальный идеал, аграрное (традиционное) общество, моделирование, социальная самоорганизация, системный и структурный кризис.

R. Istamgalin

SOCIAL IDEAL OF THE RUSSIAN AGRARIAN SOCIETY (IX–XVII CENTURIES)

In the article an attempt has been made to consider the Russian historic process during IX-XVII centuries as a single unit — genesis and evolution of the Russian type of the agrarian civilization, the peculiarity of which the social ideal of the society was.

Keywords: social ideal, agrarian (traditional) society, modeling, social self-organization, systemic crisis, structural crisis.

Социальный идеал формируется как продукт рефлексии индивида, группы, общества, осознающего свое бытие через противоречие желаемого и действительного, должного и сущего как несовершенное. Познавая мир с помощью социального идеала как несовершенство, человек одновременно приобретает целеполагание для своей жизнедеятельности — стремление к усовершенствованию мира. В рамках философского дискурса социальный идеал рассматривается как диалектическое единство рефлексии и деятельности, социального познания и социальной практики, абсолютного и относительного. Социальный идеал весьма динамичен, а не статичен, он отражает представление о совершенстве, которое принадлежит данному времени и пространству истории. Стремясь к реализации социального идеала как абсолюта, в реальной практике своего социального бытия то или иное общество движется к установлению относительно

идеальной системы земных учреждений или, в современной терминологии, — к установлению идеальной институциональной системы.

Социальный идеал является одним из таких феноменов, где, с одной стороны, в закономерностях его возникновения и эволюции должны находить свое отражение общие закономерности общественного бытия, а с другой стороны, эти закономерности должны определять его специфичность, его особое место и роль в той сложной динамичной системе, которой является всякая социальная общность.

Социальный идеал — двойственный феномен: будучи продуктом социального мышления, индивидуальной и групповой социальной рефлексии, одновременно он является одним из источников последующего социального действия, направленного на преобразование, — доведения до совершенного состояния — окружающего социаль-

ного пространства. Конечно, не всякий социальный идеал и не обязательно находит свое продолжение в социальном действии.

Аграрное или традиционное общество является наиболее длительным этапом в развитии человеческой цивилизации вообще и российской цивилизации в частности. Ещё более длительный, предшествовавший аграрному обществу этап примитивного или архаичного общества, в отечественной традиции также обозначаемый термином «первобытно-общинное общество», чаще всего рассматривается за пределами собственно цивилизационных рамок развития.

В научной литературе при характеристике аграрного общества основное внимание акцентируется на системообразующей роли, которую в данном типе общества играло сельское хозяйство: это «общество, характеризующееся, в отличие от общества индустриального, преобладанием сельскохозяйственного производства, незначительным развитием либо отсутствием промышленности, слабой социальной дифференциацией и преобладанием сельского населения» [4, с. 212]. Доминирование сельского хозяйства вело к тому, что все остальные структуры общества находились в сильной, хотя и не в одинаковой, зависимости от преобладающего типа аграрного производства. Сам тип этого производства и соответственно характер общественных структур в очень высокой степени зависели от тех географических и природно-климатических условий, в которых происходило зарождение и развитие такого общества.

Поэтому аграрное общество, объективно стремясь к достижению устойчивого подвижного равновесия с внешней средой, должно было реализовать две основные задачи:

- во-первых, адаптация к собственно природной среде своего обитания;
- во-вторых, адаптация к своему социокультурному окружению, то есть к другим обществам, с которыми приходилось постоянно или эпизодически вступать во взаимодействия разнообразного характера.

Переход от архаичного общества к традиционному занял у всех народов длительную историческую дистанцию, на большем протяжении которой их культура оставалась на дописьменном этапе. Ограниченность источников часто исключительно материальными артефактами создаёт не просто значительные, а иногда даже непреодолимые препятствия для исследователей этого процесса, особенно при изучении духовной жизни людей того времени, их представлений об окружающем мире и о себе.

Поэтому большое распространение в социальной антропологии получили методы моделирования, использующие в качестве исходного материала для построения теоретических моделей результаты полевых этнографических исследований народов, сохранивших архаичный образ жизни вплоть до XX века. В большинстве таких моделей, созданных антропологами и использованных затем в других социальных науках, центральное место отводится положению о том, что представления об окружающем человека мире, которые складывались в рамках социальной самоорганизации на основе родовых общин, объединяемых в племена, воспроизводили картину отношений между людьми, соответствующую взаимосвязям, возникающим в процессе их преимущественно земледельческой или скотоводческой производственной деятельности. Космогонические представления в родовом обществе также отражали восприятие мира через призму повседневного аграрного бытия, что находило соответствующее выражение в языческих культах, представленных богами, отождествлявшими различные силы природы. Человек в этих культах рассматривался как неотъемлемая часть природного мира, последний же неизбежно приобретал в таком случае антропоморфные черты.

Эта общая характеристика мировоззренческих представлений на этапе перехода к аграрному обществу будет справедлива для любого формирующегося в это время общества, но с той существенной оговоркой, что

различие природных миров, в которых эти общества складывались, порождало и различие языческих пантеонов, и отличия в космогонической картине мира.

Поэтому учёт конкретно-исторических особенностей природного мира, «вмещающего человека» ландшафта, является неотъемлемым компонентом изучения мифологических, по своей сути, представлений, господствовавших в сознании людей на этапе перехода к устойчивым структурам социальной самоорганизации аграрного общества.

Достигнутый к настоящему времени уровень исследования предыстории восточных славян до окончательного обоснования в пространстве Восточно-Европейской равнины, а также истории первых веков обитания на этой территории свидетельствуют:

— во-первых, об изначальном преобладании в их сельском хозяйстве земледелия, что позволяет отнести формирующееся древнерусское общество к земледельческим аграрным обществам;

— во-вторых, о том, что уже на уровне VI-VIII вв., то есть и до того, как состоялась окончательная миграция восточных славян на территорию Восточно-Европейской равнины, и в ходе этой миграции, «классический» родовой строй у них уже сменялся следующей стадией, где основной социальной ячейкой становилась не родовая, а соседская община. Одновременно внутри племенных объединений шёл интенсивный процесс социально-профессиональной дифференциации, в результате чего к середине IX в. (времени, с которого обычно начинают отсчёт древнерусской истории, фиксируемый письменными источниками) дифференциация достигла уровня, позволившего перейти к формированию протогосударственных структур.

События второй половины IX в., в историографии традиционно интерпретируемые как включение в процесс саморазвития восточно- славянских племён варяжского (скандинавского) компонента (появление дружи-

ны Рюрика в Новгороде в 862 г., поход князя Олега из Новгорода в Киев и его последующее вокняжение в Киеве в 882 г.), дают основания говорить о переходе от протогосударственных к собственно раннегосударственным формам организации общества.

В исторической науке существует устоявшаяся и, безусловно, имеющая серьёзные основания периодизация русской истории IX-XVII вв. (при некоторых терминологических разногласиях) на три больших периода: древнерусский (IX — 40-е гг. XIII в.), когда развитие общества происходило преимущественно на автохтонных началах; период политической зависимости от Монгольской империи, или Золотой Орды (40-е гг. XIII в. — 1480 г.), когда на развитие русских земель оказывал огромное влияние фактор этой зависимости (в какой мере — по этому вопросу сохраняются серьёзные разногласия); и период Московского государства (1480 г. — XVII в.), когда определяющую роль вновь стали играть внутренние факторы общественной эволюции, но при сохранении тех же внешних воздействий.

В обширной историографии, посвящённой изучению отечественной истории IX—XVII вв., данная периодизация обосновывается, среди прочего, наличием качественных изменений, происходивших в институциональной системе на протяжении каждого периода, но изменений, все же сохранявших общую линию преемственности.

Генезис и последующая эволюция институциональной системы древнерусского — русского — российского аграрного общества, в которых, согласно нашему представлению, в снятом виде отражались тенденции генезиса и эволюции социального идеала, методологически интерпретируются как процесс генезиса и эволюции центра социального, культурного и политического порядка общества и его периферии, реализующийся через возникновение и преодоление структурных и системных кризисов различной степени.

Такой подход предполагает необходимость, прежде всего, решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, определить, какие качественные сдвиги в системе «центр — периферия» могут считаться содержательным смыслом каждого периода и как они влияли на социальный идеал; вовторых, выявить конкретные кризисные моменты в истории общества на протяжении его аграрного этапа, которые предопределяли такие сдвиги.

Первую из задач можно решить, обратившись к общим положениям концепции «центр — периферия» [2, с. 9–14).

В концептуальных построениях Э. Шилза — Ш. Эйзенштадта [6] формирование единого центра социального, культурного и политического порядка на стадии перехода к традиционному обществу и создания основ этого общества происходит в результате конкурентного взаимодействия нескольких протоцентров, возникающих в результате структурно-функциональной дифференциации родоплеменного общества.

Эти протоцентры формализуются в виде различных комбинаций нескольких основных институтов, представляющих объективные интересы возникающих социальностатусных групп, потенциальных протосословий. Групповые интересы рефлексируются, артикулируются и реализуются посредством интеллектуальной и организаторской деятельности соответствующих протоэлит. Стремясь к овладению рычагами распределения производимого обществом прибавочного продукта, такие протоэлиты нуждаются, в том числе, в выдвижении важнейших символов идентичности продуцируемых ими социальных, культурных и политических основ государства, порядка, одним из которых является социальный идеал.

Эти символы являются выражением складывающейся в обществе системы ценностей, приобретающей формы, адекватные аграрному этапу развития, по мере перехода общества от политеизма к монотеизму.

В ходе конкурентного взаимодействия протоцентров в конечном итоге формируется единый центр и соответствующая ему периферия, что, как правило, приводит общество в состояние относительного динамического равновесия и внутренней стабильности.

При отсутствии или слабо выраженных изменениях во внешней среде отношения, сложившиеся между центром и периферией, являются источником сохранения возникшего равновесия в пределах безопасного диапазона колебаний. Разные изменения внешней среды вызывают те или иные трансформации отношений «центр — периферия», выявляющие адаптационный потенциал всей системы, её способность к саморазвитию на имеющейся аграрной основе. Подобная ситуация сохраняется вплоть до возникновения системного кризиса, объективно требующего для своего разрешения перехода на индустриальные рельсы развития через этап модернизации.

Путём соотнесения этой общей модели с конкретно-историческим материалом IX—XVII вв. содержательная сторона каждого из трёх периодов истории аграрного общества в Руси — России была в предварительном порядке определена следующим образом:

- IX середина XIII в., период формирования и конкурентного взаимодействия древнерусских протоцентров социального, культурного и политического порядка. Поскольку каждый из первоначальных протоцентров продуцировал свой собственный социальный идеал при сохранении между ними общей ценностной основы (сначала восточнославянской мифологоязыческой, затем православно-христианской), то будет корректно первый период целиком рассматривать как период генезиса социального идеала на его автохтонной, восточнославянско-православной ценностной основе.
- середина XIII конец XV в., период складывания предпосылок создания единого центра и периферии. Во втором периоде

естественный процесс генезиса социального идеала на автохтонной основе был существенно деформирован появлением внешнего конкурирующего социального идеала, источником которого был центр социального, культурного и политического порядка Монгольской империи и её восточного, золотоордынского улуса. В результате сложных и противоречивых взаимодействий сложились необходимые предпосылки для формирования на основе одного из автохтонных центров социального идеала, способного стать общим для всего формирующегося в рамках Московского государства средневекового русского общества. Поэтому второй период можно определить как завершение генезиса социального идеала;

• конец XV–XVII в., период формирования единого центра и периферии, адекватных природе российского аграрного общества. Третий период в русле такого понимания — это период формирования социального идеала, адекватного онтологической природе аграрного общества.

Для решения второй, предварительно поставленной задачи необходимо было проанализировать конкретно-исторический материал IX—XVII вв. (естественно, опираясь при этом на достижения отечественной историографии), чтобы выявить ситуации в истории Руси — России, применительно к которым есть основания увидеть кризисы, вызывавшие качественные трансформации в развитии отношений протоцентров, а затем единого центра и периферии, а также в формах социального идеала.

В этом отношении полезно уточнить смысл, вкладываемый в термин «кризис», воспользовавшись одним из определений, которое принято в отечественной науке: кризис — это «состояние, когда существующие средства (механизмы) достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации и проблемы, для преодоления которых нужны новые модели мышления и действия» [5, с. 149].

Подобные «новые модели мышления и действия», по сути, могут быть до известной степени отождествлены с одним из социальных идеалов, обладающим потенциалом в точке системной бифуркации сыграть роль «опасной идеи».

Следуя общепринятому в типологии кризисов их разделению на системные и структурные, прежде всего, необходимо выделить первые из них. Кризис, особенно системный кризис, играет в жизненном цикле социальных систем роль своего рода «момента истины». Именно в ходе кризиса выявляжизнеспособность системы, адаптационный потенциал. Если система, пройдя в ходе кризиса точку или точки бифуркации, не разрушилась, а перешла из состояния социального хаоса в состояние социального порядка, то можно сделать вывод о том, что в ресурсном потенциале системы в «нужный момент» нашлась нужная «опасная идея».

Успешный выход из кризисов, как правило, сопровождался более или менее существенными идеологическими и институциональными изменениями, которые представлялись правящей элитой обществу и в известной мере принимались последним в качестве достижения чего-то более совершенного, в первую очередь, с точки зрения соответствия господствующему религиозному или светскому учению.

Накопленный в мировой социальной науке опыт изучения цивилизаций древности и средневековья позволяет говорить о наличии как минимум двух системных кризисов, носивших переходный характер: кризиса архаичного общества, средством разрешения которого становился переход на аграрную стадию развития, и кризиса собственно аграрного общества, преодолеваемого через модернизацию и переход на индустриальные рельсы развития.

Кроме этих двух, в известном смысле — обязательных, системных кризисов, обозначавших, условно говоря, появление и исчезновение аграрного общества, могли

иметь место и системные кризисы, возникавшие на протяжении всего периода существования аграрного общества. Они вызывались совокупностью внешних и внутренних катаклизмов. приводящих функционированию всех неадекватному большинства системо-образующих структур. Пожалуй, наиболее характерными признаками таких системных кризисов «второго рода» являются распад единого государства и возникновение состояния гражданской войны, охватывающей все социальные страты общества.

Системные кризисы, в плане решения задач нашего исследования, представляют наибольший интерес, поскольку изменения, которые претерпевает общество в результате успешного преодоления (или, наоборот, непреодоления) таких кризисов, позволяют обнаружить глубинные основы общества, имеющие онтологический характер. Образно говоря, чтобы преодолеть структурный кризис, общество может ограничиться приведением в действие отдельных частей своего тела, а чтобы преодолеть системный кризис, оно должно использовать весь потенциал не только своего тела, но и духа.

В историографии средневековой Руси к настоящему времени достигнут некоторый консенсус в определении системного характера пережитых обществом кризисов только в отношении кризиса второй половины XVI — начала XVII в., известного под обобщающим названием «Смута». Относительно других кризисных ситуаций, обладавших теми или иными признаками системности, подобного консенсуса не существует. Отсутствие его отчасти, как, например, в случае кризиса XII в., приведшего к распаду Киевской Руси на отдельные княжества, может быть объяснено недостаточной репрезентативностью источников.

Однако последняя проблема характерна и для ряда других ситуаций, периодически возникавших в истории средневековой Руси в более поздние её периоды. Особенно это

касается источников, позволяющих оценить реальную критичность ситуаций, складывавшихся в экономической сфере.

Может быть, поэтому, как уже отмечалось выше, исследователи в последнее время стали активнее использовать в качестве косвенного показателя «степени кризисности» возникновение исторических «точек выбора», то есть ситуаций, когда существовала реальная возможность избрания обществом (в лице конкретных исторических деятелей или их групп) альтернативных решений, способных в значительной степени повлиять на последующую, в том числе и достаточно отдалённую, траекторию всего общественного развития.

Как правило, такие решения касались совершенно конкретных общественных сфер, что и позволяет предположить, что альтернативность вызывалась именно структурным кризисом, возникшим в этой сфере (в качестве примера часто приводится альтернативность выбора монотеизма, косвенно доказывающая структурный кризис культурно-идеологической сфере, или аналогичная альтернативность в решении вопроса о секуляризации земельных владений церкви, возникшая в правление Ивана III, косвенно свидетельствующая о кризисе в идейно-политической сфере).

Однако, если попытаться в сравнительноструктурном плане проанализировать такие «точки выбора», возникавшие на протяжении существования Древней и Средневековой Руси, хотя бы в том варианте их выделения, который представлен в коллективной работе «Выбирая свою историю», то выясняется: «красной нитью», соединяющей все эти исторические ситуации, являются кризисы во взаимоотношениях по линии «государство — общество», то есть существование определённой однопорядковости, принципиальной тождественности между ними [3, с. 13–167].

В этой связи хочется обратить внимание на возможность иной трактовки соотношения «точек выбора» и кризиса, восходящей

к перспективной методологической идее, разработанной в рамках социальной науки — направления, созданного работами историков так называемой «Школы Анналов». Одним из ведущих историков этого направления Ф. Броделем в методологический арсенал была введена категория «La longue duree», переводимая в силу её контекстной многозначности на русский язык как «длительная протяжённость», «долгое время», «длинное время» [1, с. 114–142].

Необходимость введения такой категории её автором обосновывалась тем, что исторический процесс характеризуется различной темпоральностью, в частности, в истории обнаруживаются длинные волны, или циклы развития, которые могут простираться на ряд столетий и т. д.

На протяжении таких волн, или циклов, чередуются периоды относительной стабильности (равновесности) общества и его нестабильности (неравновесности); последние, однако, могут и не приобретать характер системного кризиса, если система не завершила своего формирования, а, как правило, сопровождаются более или менее острыми структурными кризисами, иногда — даже только их симптомами.

В результате этого на протяжении всего такого цикла сохраняется общая незавершённость процессов системообразования, что находит своё проявление в постоянном воспроизводстве (на разных уровнях и в разных формах), в ситуации того или иного выбора как выбора пути общественного развития.

Если исходить из методологической посылки, лежащей в основе концепции la longue duree, то весь период IX–XVII вв. может быть рассмотрен как единый цикл формирования системы русского/российского аграрного общества, а следовательно, и как единый цикл формирования адекватного онтологической природе этого общества социального идеала.

На протяжении всего цикла в силу различного сочетания внутренних и внешних факторов, воздействовавших на исторический процесс, общество прошло через ряд исторических «развилок» (кризисов и субкризисов, поражавших определённые системообразующие структуры или подсистемы общества, отдельные их элементы), внутри которых существовала реальная альтернативность выбора дальнейшего пути формирования не только конкретной подсистемы или её элементов, но — опосредованно — и всего общества.

В условиях каждой такой «исторической развилки» в большей или меньшей степени вероятность выбора одного из альтернативных решений была связана с общими ограничениями диапазона выбора, которые налагались содержанием ценностно-нормативной системы, формировавшейся в обществе сначала на основе восточнославянской культовой системы, а затем православия, и постепенно эволюционирующей в центральную ценностную систему. В этом смысле выбор всегда носил ценностный характер и, независимо от восприятия этого выбора в сознании принимавших его отдельных исторических деятелей или их групп, как выбор будущего.

Но это означает, что через эти выборы и вызванные ими иногда очень незначительные (на первый взгляд) изменения в институтах общества, тоже осуществлялась эволюция если и не всех, то каких-то элементов социального идеала.

Базовыми факторами, определившими генезис и становление социального идеала, согласно проведённому историко-философскому анализу, являются: природно-географические и климатические особенности Восточно-Европейской равнины; принятие ортодоксального (православного) варианта христианства, тесно связанного с господствовавшей в Византийской империи идеологией «Симфонии Властей», определявшей главенство светской власти над духовной

властью; данническая форма ресурсной эксплуатации, реализованная в отношении русских земель монгольскими правителями; религиозное самоопределение русского общества в постмонгольский период в качестве Третьего Рима, пространства, избранного Богом для завершения мировой истории; относительная замедленность процесса сословной реорганизации общества в период Московского государства; попытка утверждения самодержавно-деспотической государственной формы (опричнина Ивана IV); способ разрешения системного кризиса (Смуты).

В результате в обществе к середине XVII в. утвердился идеал самодержавнослужебного согласия, в форме которого нашла разрешение исходная дилемма амбивалентности архетипического общинного догосударственного (родового) устроения восточнославянского мира (сочетание самоуправления — институт вече и управления — институт старейшин).

Идеал самодержавно-служебного согласия до известной степени снял противоречие исходных идеалов вечевого и княжескобоярского согласия посредством их синтеза, основанного на отождествлении Московского государства (во главе с богоустановленным царём) с Третьим Римом, что превращало для всех православных людей служение царю в необходимое средство спасения души.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая деятельность // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 114–142.
- 2. *Истамгалин Р. С.* Роль центра, периферии и традиции в исторической эволюции социального идела российского аграрного общества (IX–XVII вв.) //Социум и власть. 2011. № 3. С. 9–14.
- 3. *Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н. П.* Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: Колибри. 2005. 638 с.
- 4. Социологический энциклопедический словарь. М.: Изд.-во НОРМА, 2000. 488 с.
- 5. Там же.
- 6. *Shills E.* Center and Periphery:Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975. 516 p.
- 7. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

REFERENCES

- 1. *Brodel' F.* Istorija i obwestvennye nauki. Istoricheskaja dejatel'nost' // Filosofija i metodologija istorii. M.: Progress, 1977. S. 114–142.
- 2. *Istamgalin R. S.* Rol' tsentra, periferii i traditsii v istoricheskoj evoljucii sotsial'nogo idela rossijskogo agrarnogo obshchestva (IX–XVII vv.) //Sotsium i vlast'. 2011. № 3. S. 9–14.
- 3. *Karatsuba I. V., Kurukin I. V., Sokolov N. P.* Vybiraja svoju istoriju. «Razvilki» na puti Rossii: ot Rjurikovichej do oligarhov. M.: Kolibri. 2005. 638 s.
- 4. Sotsiologicheskij entsiklopedicheskij slovar'. M.: Izd.-vo NORMA, 2000. 488 s.
- 5. Tam zhe.
- 6. Shills E. Center and Periphery:Essays in Macrosociology. Chicago: University of Chicago Press, 1975. 516 p.
- 7. *Ejzenshtadt Sh.* Revoljutsija i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij. M.: Aspekt Press, 1999. 416 s.